

Так, например, нашими материалами не подтверждается тот факт, что конструкция весенней и осенней оленьих изгородей у эвенков таежной зоны Средней Сибири ничем не отличалась одна от другой (с. 151). Разница в конструкции представляла собой наглядный пример адаптации к различным условиям строительства. Весной, когда земля была еще мерзлой, поперечные жерди изгороди укладывались в специальные выемки-зарубки на любой опоре естественного происхождения. Осенью, напротив, поперечные жерди укладывались в развилку трех кольев, вбитых в землю крест-накрест (последний способ как единственный и описан у М. Г. Турова). Для покрытия корьевых чумов наряду с корой лиственницы использовали и кору ели, которую снимали с деревьев не в начале осени (с. 152), а ранней весной, когда «сок с деревьев капал». Подобные неточности встречаются в заключительной главе книги (с. 148).

В конце XIX в. И. И. Майнов писал: «Главная трудность при исследовании тунгусов состоит в том, что эти люди почти круглый год блуждают вразброд по каким-то неведомым дебрям». Все исследователи эвенкийской кочевой культуры так или иначе стремились понять принципы и смысл «бродяжничества» тунгусов (как, впрочем, и других народов Севера со сходным хозяйственно-культурным типом). Такое понимание невозможно без глубокого анализа взаимоотношений этноса со средой обитания, особенно в традиционных обществах Севера.

М. Г. Туров пришел к важному выводу, что «бродяжничество» эвенков — не более чем условность, так как освоение среды происходило в ходе упорядоченного, прогнозируемого освоения территории (с. 155). Подобные утверждения, не подкрепленные столь же вескими доводами и аргументами, высказывались еще в 1930-х годах⁵.

Среди основных принципов освоения угодий М. Г. Туров называет регуляцию кочевания, его обусловленность на протяжении года природными циклами; повторяющиеся смены кочевого и оседлого образов жизни; плановость и периодичность смены районов обитания при кочевании в пределах постоянных территорий; колебания в интенсивности освоения каждого из природных источников продуктов и сырья. Безусловно, автор выполнил свою задачу, выяснив общие принципы освоения угодий на основе скрупулезного анализа различных видов хозяйственной деятельности, и остается только сожалеть о том, что он не попытался пойти дальше и связать их с социальной организацией эвенков.

Принципы освоения среды, сложившиеся на основе длительного экологического опыта в ходе хозяйственного использования территории, не потеряли своего значения и теперь. Они должны быть максимально учтены в современных условиях, поскольку представляют собой ценные традиции. Поэтому наблюдения и выводы, содержащиеся в книге, не только имеют научный интерес для этнографов, экологов, но могут быть полезны практическим работникам, призванным учесть традиционный опыт природопользования в современных условиях техногенного прессинга на северные территории.

Книга М. Г. Турова — вдумчивое, серьезное исследование, вносящее заметный вклад в изучение этнографии народов Сибири.

А. А. Сирина, С. С. Савоскул

Примечания

¹ *Shirokogoroff S. M. Social Organization of the Northern Tungus. Shanghai, 1929; Карлов В. В. Эвенки в XVII — начале XX в. (хозяйство и социальная структура). М., 1982.*

² *Shirokogoroff S. M. Op. cit. P. 28.*

³ *Андрианов Б. В. Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование). М., 1985, С. 42.*

⁴ *Майнов И. И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края // Тр. Восточно-Сибирского отдела РГО. № 2. Иркутск, 1898. С. VI.*

⁵ См., например: *Левин М. Г. Стационарная работа среди кочевого населения // Советский Север. 1932. № 4.*

© 1991 г., СЭ, № 6

В. С. У а р з а т и. Культура Осетии: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе, 1990. 190 с.

Взаимные контакты народов и культур играют выдающуюся роль во всемирно-историческом процессе. Реализуясь в разных формах и различными путями, они способствуют поэтикумной передаче положительного этнического опыта, обогащают и усложняют человеческую культуру и в целом способствуют прогрессивному развитию мировой цивилизации. Отсюда давний научный интерес как к локально-конкретному изучению исторической динамики и результатов этнокультурных контактов, так и к теоретическому осмыслению механизмов и факторов межэтнического взаимодействия.

Исследование В. С. Уарзати, сочетающее оба аспекта названной проблемы, посвящено одному из ареалов интенсивного межэтнического взаимодействия, сложившемуся на территории Центрально- и Северо-Западного Кавказа. Избрав главным объектом исследования традиционно-бытовую культуру осетин, автор рассматривает ее в контексте культурных связей с другими народами региона, в основном с соседними, имеющими общую с осетинами этнотерриториальную границу. Это предопределило основные сюжетные блоки рецензируемой монографии — она состоит из четырех разделов, в которых анализируются контакты осетин с абхазами и абазинами, адыгами, карачаевцами и балкарцами, горцами Грузии. Однако вызывает крайнее недоумение отсутствие раздела, посвященного кон-

таким осетин с вайнахами. Объяснения автором причин, побудивших его опустить соответствующую главу, не убеждают. Наличие подробных и многочисленных исследований, посвященных определенной проблеме, отнюдь не исключает в дальнейшем попыток ее нового осмысления. Более того, познавательные задачи конкретного исследования в ряде случаев делают это просто необходимым, иначе само исследование лишается предельности и необходимого содержательного объема. В данном случае отсутствие ожидаемого раздела значительно обеднило монографию В. С. Уарзиати. Можно только пожалеть, что из-за неоправданного решения автора читатель лишился возможности познакомиться с очерком осетино-вайнахских этнических взаимовлияний, хотя нет сомнений, что очерк был бы написан столь же тщательно и всесторонне, как и другие разделы рецензируемой работы, тем более, что сам В. С. Уарзиати в прошлом успешно занимался этой проблемой.

Тем не менее следует признать, что в отличие от осетино-вайнахских этнокультурных взаимоотношений, изучение которых, действительно, имеет довольно богатую традицию в нашем кавказоведении, контакты осетин с другими народами региона освещены гораздо беднее. С этой точки зрения работа В. С. Уарзиати во многом является новаторской. Во Введении автор указывает, что «в книге сделана попытка проследить этнокультурные контакты осетин и выявить их реализацию в культуре жизнеобеспечения» (с. 8). Однако В. С. Уарзиати сплошь и рядом выходит за рамки формально очерченных исследовательских границ, обращаясь к фактам взаимовлияния в других сферах бытовой культуры. Это по существу лишило смысла вышеприведенную авторскую оговорку, но пошло на пользу самому исследованию, сделав его более разносторонним, фундаментальным, соответствующим широте познавательных задач, заявленных в названии.

Осветив широкий спектр взаимовлияний этнических культур на территории Центрального и Северо-Западного Кавказа, В. С. Уарзиати еще раз убедительно показал, сколь глубоко и разносторонни были связи между народами региона. Следствием этих связей было появление сходных, порой идентичных форм и явлений бытовой культуры, которые прослежены автором в самых разных ее сферах — хозяйстве, поселенческо-жилищном комплексе, одежде, пище, семейно-бытовой обрядности, религиозно-мифологических воззрениях и др. Прекрасный знаток традиционного материального и духовного быта народов Северного Кавказа, его ареальных и этнолокальных особенностей, В. С. Уарзиати детально и скрупулезен в своих описаниях. Стремясь предельно насытить исследование фактами, подтверждающими основную идею предпринятой работы, автор не оставил без внимания, пожалуй, ни один пример бытовой общности, характерный для культур местных народов. Этих примеров действительно много. Взятые из разных сфер быта, они как бы нанизываются один на другой, превращаясь порой, если воспользоваться оброненной автором фразой, в «свидетельства самых разнообразных и разрозненных сюжетов» (с. 132).

Одна из главных целей автора состоит в том, чтобы выявить направленность этнокультурного контакта. В каждом конкретном случае В. С. Уарзиати пытается определить, какая этническая культура являлась донором, а какая — реципиентом. Так, осетинским вкладом в бытовую культуру соседних народов он считает, например, некоторые детали традиционного горского костюма, элементы похоронно-поминальной обрядности (скачки, устройство манекена покойного, посвящение коня умершему), предметы интерьера (низкий трехногий столик *фынг*), основные нормы застольного этикета и др. В то же время конструктивные принципы адыгского феодального этикета оказали, по мнению В. С. Уарзиати, решающее влияние на сложение соответствующего нормативного комплекса у осетин. От адыгов же, контакты с которыми, как показывают материалы книги, были особенно плодотворными, осетины восприняли схему застройки усадьбы после переселения на равнину, обычай строительства отдельной кунацкой для гостей, плетеные коврики *арджены* в качестве принадлежности интерьера, некоторые престижные элементы одежды и др.

В то же время в ряде случаев, кстати, весьма многочисленных, автор оказывается в явном затруднении, так как, по его же собственному признанию, бывает «довольно сложно определить исходные корни» (с. 76) того или иного элемента культуры. Однако в том, что эти корни существуют, у автора нет сомнений. Исходя из его концепции, любой факт тождественности либо схожести элементов бытовой культуры соседствующих народов является следствием их контактов, взаимовлияния, диффузии культурного достижения из одной этнической среды в другую. Но с таким подходом не всегда можно согласиться. Культурная традиция не обязательно возникает в результате заимствования. Она может появиться самостоятельно, в результате внутреннего саморазвития культуры, как один из способов ее самоорганизации в процессе адаптации к природно-экологическим и социально-экономическим условиям («спонтанная инновация», по терминологии С. А. Арутюнова). Поэтому, пытаясь определить объем иноэтничных заимствований в культуре этноса, нужно быть очень осторожным в окончательных выводах. Во всяком случае, некоторые из отмеченных автором фактов общности в бытовой культуре народов Центрального и Северо-Западного Кавказа, такие как набор высеваемых знаков, солнечная экспозиция поселений, их полигенная структура, обычай избегания и др., вряд ли можно объяснить заимствованиями.

Осторожность при анализе нужно соблюдать и по другим причинам. Механический взгляд на культурный параллелизм как на результат исключительно заимствования может дать исследователю абсолютно неверные ориентиры для установления преемственной связи между сходными, но спонтанно зародившимися явлениями культуры. Конкретная этнография знает немало примеров тождественных, совпадающих порой до деталей культурных традиций, функционирующих у разделенных во времени и пространстве этнических общностей, никогда не вступавших между собой ни в прямой, ни в опосредованный контакт. Мировая этнология однажды уже не избежала соблазна объяснять подобные факты процессом пространственного перемещения явлений культуры. Однако в реальности этнокультурная история человечества оказалась более сложной, более величественной, чем это представлялось Ф. Гребнеру и его ученикам.

Тем не менее вряд ли приходится сомневаться в той огромной роли, которую сыграли межэтнические заимствования в культурогенезе. Не меньшее значение они имели для сложения таких этноареальных массивов, как историко-этнографические области, одну из которых представляет Северный Кавказ. В. С. Уарзиати, подробно и фундированно осветивший в своем исследовании динамику

и этнокультурные последствия межэтнического взаимодействия в регионе, показал один из путей сложения местного историко-этнографического единства. Разносторонние этнокультурные связи осетин с соседствующими народами сыграли в этом процессе далеко не последнюю роль.

В монографии нет специального теоретического раздела, посвященного факторам и механизмам этнических взаимовлияний. Однако в ходе изложения основного материала В. С. Уарзиати часто обращается к этим вопросам, что позволяет достаточно ясно представить точку зрения автора. По его мнению, факторов, обуславливающих процесс взаимовлияний, два: уровень социально-экономического развития контактирующих обществ и природно-географические условия. С первым из них В. С. Уарзиати связывает эпохальную направленность потоков этнических заимствований на Северном Кавказе. Он считает, что проникновение наибольшего количества аланизмов в быт местных народов относится к домонгольскому периоду, явившемуся временем расцвета и социально-экономической продвинутости аланского общества, которое выступало как бы культурным донором для соседствующих этносов. Разгром алан монголами и последующая стагнация их социально-экономического быта обусловили новое направление потока этнических заимствований — уже в аланскую (осетинскую) среду; немалую роль сыграл здесь, по мнению В. С. Уарзиати, и природно-географический фактор, ибо горы находились в материально-экономической зависимости от жителей равнин.

В книге много интересных наблюдений над функционированием иноэтнических новаций в новой этнокультурной среде. Мне, однако, представляется несколько преувеличенным то значение, которое придает В. С. Уарзиати престижным аспектам заимствований — вероятно, этот вопрос нуждается в дополнительном изучении. Как, впрочем, и многие другие аспекты этнических взаимодействий на Северном Кавказе, хотя сейчас мы, без сомнения, гораздо лучше представляем данную проблему, прежде всего благодаря рецензируемому труду В. С. Уарзиати.

Ю. Д. Анчабадзе

Примечания

¹ Уарзиати В. С. Осетино-ингушские этнокультурные контакты в материальной культуре // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985.

Арутюнов С. А. Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. Сходные мысли высказаны и другими исследователями: Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX—XX вв.: традиции и инновации. М., 1982.